

Парадоксы судьбы Израэля Басова

Галерея «Брама» не впервые открывала новые имена. За семь лет в сорока выставках были открытия имён, тем и даже некоторых направлений (философская керамика, монументальная графика, настенный театр). Главным - стало открытие забытого, очевидного, очень видного, просто невиданного доселе явления — творчества И.Басова

Спустя два года после смерти художника, благодаря зарубежной благотворительности, открылась его первая персональная выставка, а к восьмидесятилетию традиционно-юбилейно открыл выставку Белорусский союз художников в своей Республиканской художественной галерее.

Раннего Басова, как и многие мои коллеги-сверстники, я знала мало. На больших выставках изредка мелькали маленькие этюды.

Первое серьезное знакомство и любовь к этому художнику началось с полотна «Город 1969». Она стояла в запаснике всегда неизготове. Тогда мы, искусствоведы Дворца искусств, были большими передвижниками. Выставки делали во всех мыслимых и немыслимых местах: в ленинских комнатах и красных уголках заводов и фабрик, воинских и пожарных частях, школах и кинотеатрах. Я с упоением подбирала очередную коллекцию из фондовских произведений: Цвирко, Кищенко, Щемелева, Гугеля, Кудревич, Ващенко и др. Главный хранитель и страстный ревнитель сохранности Э.З.Блищ всё это вычеркивала, дабы чего не вышло в дороге, и в компенсацию выдавала это полотно. Оно украшало любую выставку.

Израиль Мордохович приходил к нам редко, говорил мало, и больше запомнился уходящим. Скорбный одинокий силуэт со спины, нагруженный отклоненными выставочком (из коллег) полотнами...

И.Басов и в жизни, и в искусстве был фигурой трагической и парадоксальной. В жизни это была тихая трагедия затворника. В искусстве - мощный набат бунтаря. Его судьба и личность полны противоречий. Сам о себе рассказывал:

«Я родился в еврейской семье, а вообще-то я настоящий белорус». В жизни довольствовался малым, в живописи роскошествовал - большие холсты, пуды краски, море музыки, сутками купался в этом, переплавляя краски и звуки в цвет. Тихий интроверт в быту, он был распахнут и откровенен в живописи: «Я много любовь писал». Считал любовь своей главной темой. В жизни, как и многие из его поколения - ровесники революции - жил в страхе. «Я все время боялся всего. Страх был всегда, все годы». Зато в цвете, композиции, в полете линии он не знал не только страха, но ломал привычные каноны.

Страх же в жизни у Басова имел свои основания... Прежде всего он боялся не успеть осуществить мечту: стать художником, что было предначертано судьбой. Его отец славился в Мстиславле недюжинным вкусом и сказочным мастерством портного-художника, старший брат Бенямин - выпускник Витебского художественного техникума, а затем и Суриковского института - уже тогда был известным в Белоруссии художником книги, в последствии - известным московским графиком.

И.Басов, блестяще сдав Фогту специальность, в Витебский техникум не поступил - после еврейской школы провалил вступительный экзамен по русскому языку. Потом была война. И только в возрасте почти Иисуса Христа он поступает в Минское художественное училище. Учится у В.Цвирко, И.Ахремчика, Х.Лившица. С последнего курса его пытаются исключить за космополитизм, хотя он сам слабо представлял, что это такое. Благодаря заступничеству сокурсников все же оканчивает училище.

Еще в студенческие годы его этюды отличались новаторством и завершенностью. Даже работая с натурой, тут же смело преобразовывал ее. Это прощалося и даже восхищало коллег, а с1953 его стали иногда «пускать» на большие выставки больших художников по большим праздникам. Потом про это писались большие статьи. От меткого глаза искусствоведов не ускользнули жемчужины. Впервые имя Басова стало упоминаться в прессе, в общих статьях о республиканских выставках: в белорусской - Р.Бадиным, в союзной - О.Сурским.

Коллеги щедро оставляют за ним «нишу» этюдиста, а он все дальше уходит от этюда, его манят и выходят из-под кисти большие, полные фантазии и свободной формы полотна. Он все дальше от реалий. «Я понял, - скажет позже - что, работая с натуры, я далеко не иду».

В 60-е - Басов, со своим «мелкотемьем» - любовь, музыка, небеса - и огромными форматами, убивающей наповал живописной мощью не вписывался и в резкий поворот к «суровому стилю», с его «собираемым современником». Басов вообще стал постепенно выводить за рамку этих самых современников с их сиюминутными проблемами. Он строил свой вечный город.

Если фигуры и появляются, то строго подчиняются сложной архитектоники пластического мотива и обретают черты архитектуры или элементов пейзажа. Умозрительное осмысление заменяется душевным «чувствованием» мира, как средством его духовного постижения и визуально чувственного воплощения замыслов, новой эстетикой.

Музыка - один из главных героев Басова. Она звучит уже в названиях произведений, ощущается в сюжетах, слышна в мастерской во время работы. Он то парит на крыльях мелодии Грига, то уплывает в космос на волнах Баха, то строит свой город в ритмах Моцарта. Музыка оживает в мелодике его цвета, в ритмах линий и плоскостей, самого мазка.

В начале 70-х происходят не только пластические изменения в его языке, но и некоторые жизненные перемены: он лишается и без того скудного заработка в связи с реорганизацией Минского художественного комбината, где он в течение 20-ти лет вместе с другими коллегами «точил» портреты вождей на камне. Теперь он оказался абсолютно свободен, уединен и отдан творчеству. Все земные заботы лежаться на плечи его жены - покорной трудолюбивой бесконечно терпеливой Бэллы.

Вспоминая это время, он скажет: «В начале 60-х выставили две моих работы. Кажется, они в Белорусском музее. В те годы появилась надежда. Потом быстро все кончилось»... Теперь понятно, что все только начиналось.

Как бы в подтверждение противоречий его судьбы, происходит разрыв между внутренним творческим ростом и уходом от внешнего мира, зрителя. Парадокс проявляется и в том, что отклоняя работы с выставок в Минске, их охотно включали в передвижные, выездные, обменные выставки весьма широкой географии от Тиммертау до Таллинна, случались на пути его живописи даже Нотингем и Ровена.

В художественной жизни Минска 15 лет (с 1973-го по 1988) Басов практически не существует. Его не видят, забывают. Правда, к 60-летию руководство СХ предложило ему провести юбилейную выставку в кулуарах СХ, без прессы и зрителей... Выставка без зрителей оказалась юбилею слишком экстравагантной, и он отказался.

И.Басов со всей самоубийственностью дарования не вписывался в официальное искусство 60-х - 80-х. Однако в середине 80-х поднимается из подвалов и белорусский андеграунд, к нам едут, наших начали выпускать за кордон. Чиновные художники, выезжая за границу, готовы навстречу заезжим купцам по всему свету развести в сборных выставках-продажах и отдельные работы Басова.

Впрочем, были и весьма достойные предложения от искусствоведов Н.Зитеровой из Таллинского художественного музея, Холмогоровой из АХ СССР, известного коллекционера академика физики Чудновского из Ленинграда. И.Басов отказывал всем. Он мечтал о своей персональной выставке в одной из почитаемых столиц мира: Москве, Иерусалиме, Нью-Йорке...

В 1992 году галерея Брама получила предложение показать художников-евреев Беларуси на выставке «Диаспора» в Москве в ЦДХ. Все художники откликнулись живо. Обращаясь к Басову, я почти не надеялась на согласие. После моих долгих уговоров он уступил не без опасений. Наконец полотна выплыли из мастерской, вместе с произведениями других художников оказались на стендах ЦДХ рядом с творениями Левитана и Альтмана, Бакста и Бродского, Тешлера и Лисицкого.

Московские искусствоведы, в том числе и блистательный теоретик современного искусства, профессор МГУ А.Морозов высоко оценил белорусский раздел выставки и был поражен, что не видел ранее на всесоюзных выставках полотен этого замечательного художника.

Долгожданный и столь же неожиданный успех произвел настоящий переворот в душе художника, он переживает фантастический творческий подъем... Подъем на чердак 6-ти этажного дома в мастерскую был затруднен возрастом и болезнью - и он работает в тесной кухоньке своей хрущевки.

Очевиден перелом в его пластике. Резко усиливается динамика композиции, ритмы напоминают общий ритуальный танец всего со всем. Цвет обретает предельную чистоту и лаконичность, все достигает некой знаковой. Но в официальном художественном Минске этого никто не замечает.

Зато художник подружился с галереей «Брама» и удостоил её права показа своих новых работ, готовности выставляться во всех её выставках. Тем более, что галерея некоммерческая, ничего не продает и не покупает, а значит со своими работами художнику расставаться не надо.

В 1993 белорусское правительство широко отмечает Дни памяти евреев, погибших в годы второй мировой войны в Беларуси (в связи с 50-летием уничтожения минского гетто). Галерея «Брама» предложили создать выставку в рамках общей художественной акции «Кадиш-Жальба». Выставку такого рода «Евреи в искусстве Беларуси» я задумывала давно... К тому же в ней можно было частично осуществить еще одну заветную мечту — впервые, наконец, показать в Минске произведения нашего великого земляка Марка Шагала. До этого все мои попытки сделать это (договаривалась с коллекционерами и музеями Москвы и Ленинграда, и те уже были готовы выдать свои бесценные экспонаты, но здесь не готовы были их принять) поддержки не встречали.

Я назвала выставку «От Марка Шагала — в Прошлое и Настоящее. XIX-XX век». В ней был поистине парад имен, который приводил в трепет уже на слух: Фальк, Пен, Юдовин, Кругер, Брайзер. Экспозиция строилась ретроспективно: от дня сегодняшнего вглубь времен. От дебютанта И.Каплуновича к художнику XIX века Аскназию. В дальнем зале — главный

сюрприз — четыре из последних предсмертных работ М. Шагала под спецхраной двух омонюцев...

А в самом начале экспозиции, в разделе 90-х — два больших отсека И.Басова.

Успех превзошел все ожидания, даже мои. Мне казалось, что эйфория от первой встречи с Шагалом будет главной и общей эмоцией. Однако зрители замирали, толпились у полотен Басова, сверяя дату рождения автора и годы создания произведений. Ошибки не было. Но было трудно поверить, что этот чистый звонкий цвет, острые столкновения плоскостей, резкая смена ритмов, этот неистово рвущийся и бегущий (увы, на месте...), стилизованный под архитектурную деталь, энергичный человечек принадлежит кисти одного из старейших художников, отмеченного богом и не замеченного людьми.

Его молодые коллеги, поколения пятидесятилетних, утверждают, что воспитывались на тех буквально двух-трех полотнах Басова, что изредка звездочками вспыхивали на выставках, и свет их врезался в память юности. И уже последующие поколения только слышали легенду о замечательном, почему-то не замеченном И.Басове.

При его жизни только «Всемирный лексикон художников», 1994, Лейпциг, включил И.Басова, единственного из Беларуси; пару статей о нем мелькнуло — одна в «Мастацтва Беларусі» в Минске, другая — в "Bildende Kunst" в Германии; да успела я на БТ сделать небольшой сюжет. Уже после смерти в профессиональной печати появились статья в российском «Искусстве», в антологии «Сто произведений белорусского искусства XX века», в «Нашей Ниве».

Когда в стране стало можно быть евреем и говорить об участии таковых в белорусской культуре, среди ряда выставок галереи «Брама» была и выставка с гастролями еврейского московского театра «Брама адчынена. Шалом!». В ней ошеломляющий успех имели новые полотна И.Басова «К заре», «На заре», «Красный пейзаж». Причем последнее - израильский посол Э.Валк определил как символ еврейского менталитета. Видимо, пластические аллегории были ему понятны: неистовый желтый требует остановиться, всмотреться, прислушаться, а красный нервным росчерком вопиет о трагедии художника.

Правда, на все приглашения на еврейские выставки Израиль Басов резонно замечал - «Я - не еврейский художник, я - художник «вабшчэ»». Однако история белорусского искусства изобилует примерами притязания разных культур на одного и того же мастера выходца из наших земель. Так, российская - на И.Хруцкого и И.Олешкевича, французская - на М.Шагала и Х.Сутина, немецкая - на Т. Бычковского. Басова посчитали своим израильтяне.

Когда на международном искусствоведческом конгрессе в Иерусалиме я показала слайды с полотен И.Басова, мои израильские коллеги воскликнули: «Это же художник мирового класса! К тому же прекрасно пишет Иерусалим!». Речь шла о полотнах «Большой город», «Золотой город», «Троица» и др., выполненные в солнечном южном колорите. Однако понятно, что И.Басов не только никогда не бывал в Иерусалиме, но и 70-80гг., когда писал их, не мог даже по ТВ их видеть - не показывали. Тот час же предложили мне делать выставку Басова в одном из престижных залов в центре Иерусалима. Это была большая победа, но лишь моральная, ибо денег на выставку «бедные» евреи не здесь ни там не нашли, и мы потерпели очередное поражение по причинам материальным.

Свою живопись И.Басов всегда предварял рисунками. Они самоценны: закончены, выразительны, что порой не так заметно в живописи, где линия тонет в цвете. Скульптурность «лепки», уверенность линий выдают руку замечательного рисовальщика.

Если попытаться соотнести творчество И.Басова с известными европейскими направлениями в живописи, то условно можно означать его, как «кубистический экспрессионизм». «Геометризация форм, декоративность звучания цвета, силуэтность рисунка». Его живописное пространство легко расплывается на холсте, а объемы, словно спрессованные, трансформируются в орнаментально разработанные плоскости.

За живописной стихией поверхности всегда стоит многозначительное, философское... Мотив содержательный всегда успевает пластическому, открывается не вдруг, а проступает постепенно, как очертания предметов в тумане.

Похоже, одним из самых счастливых в его творческой жизни был 1993 год - год его 75-летия. Его увидела Москва, его ждал Иерусалим, его уже было не утаить в Минске, он был полон надежд, и взахлеб работал. Можно было только поражаться тому, как с наступлением старости молодела, очищалась, просветлялась его палитра. Пластичней и грациозней становился силуэт. Песня-крик превращается в танец-улыбку.

Незадолго до его ухода мы с ним беседовали о предстоящей выставке в Иерусалиме «Знаете, у меня столько планов, столько замыслов, и даже я чувствую, есть силы их осуществить, только вот стать бы к мольберту. Наверно это и есть второе дыхание?».

...Наступил 1994 год - последний в его жизни. А танец-улыбка остался в 1993 - последнем в его творчестве.

P.S. ...Теперь уже не художник, а целая выставка его произведений застыла в ожидании... увы... такой прозы... - средств для передвижения в "уважаемые столицы", о которых так мечтал их автор... Москва, Нью Йорк, Иерусалим...

*Лариса Финкельштейн, искусствовед,
арт-директор галереи «Брама».*

[ВЫСТАВКИ](#)

[ХУДОЖНИКИ](#)

[СТАТЬИ](#)

